

Максим Горький

Роман

Максим Алексеевич Горький

Роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=623995

Аннотация

Впервые напечатано в газете «Нижегородский листок», 1896, номер 297, 27 октября, в разделе «Фельетон».

В собрания сочинений не включалось.

Печатается по тексту газеты «Нижегородский листок».

Содержание

I	4
II	8
III	16

Максим Горький

Роман

I

Герою этого романа, Яшке, было одиннадцать лет, когда он впервые почувствовал в своём маленьком сердце сладкое томление любви. Он был «мальчиком из типографии», очень чумазым мальчиком, от которого всегда густо пахло типографской краской, скипидаром и другими профессиональными ароматами. Такой же замазанный, потрёпанный, как и все другие типографские мальчики, с таким же, как у них, лицом в маске чёрной жирной грязи, – Яшка отличался от них большими, всегда широко раскрытыми светлыми глазами, сравнительной скромностью поведения и стремлением к чистоте. В обед он всегда умывался, то есть размазывал по лицу неровно осевшую на него свинцовую пыль и грязь машин – ровным пластом, и от этой его заботливости о своей внешности казалось, что он не выпачкан, а таким уж чёрным произведён на свет. Ровный колорит грязи на его лице дал ему среди сверстников право на прозвание – Чистяк.

Курносый, с толстыми губами, с большими глазами и шаурообразной, гладко остриженной головой, по бокам которой торчали большие, оттопыренные уши, – среди наборщиков

он был более популярен под кличкой Рукомойник. Положение его в типографии было ничуть не хуже положения других сверстников: он никак не мог пожаловаться на то, что его обделяют работой или затрещинами, и в общем он ходом своей жизни был доволен. После побоев он обыкновенно плакал и жестоко ругал того, кто его бил, но ругал втихомолку, так, чтоб, кроме него самого, никто не слышал этих ругательств. В аналогичных случаях сверстники его вели себя точно так же, и вообще Яшка Чистяк, или Рукомойник, почти ничем от них не отличался.

Жалованья он получал два рубля в месяц и всё целиком отдавал своей тётке, весьма толстой и всегда полупьяной старухе, торговавшей на толчке старьем. По отсутствию отца и матери, Яшка жил у неё в тёмной четырёхугольной дыре с одним окном, смотревшим куда-то в яму. Дыра эта была частью подвала большого трёхэтажного дома и являлась прекрасной квартирой, – зимой в ней было жарко до духоты, вследствие почти полного отсутствия воздуха, а летом прохладно, как в погребе, в силу сырости, наполнявшей дыру. Яшкина тётка относилась к нему не особенно любезно и частенько жаловалась богу на тех людей, которые умирают, оставляя после себя потомство на попечение их родственников, совершенно неповинных в том, что люди имеют дурную привычку родить детей и не умеют их ставить на ноги без помощи посторонних лиц, ничем не заинтересованных в этом деле. Нередко случалось, что Яшкина тётка основа-

тельно доказывала правду своего мнения путём подзатыльников и тычков, в изобилии осыпая ими племянника. Чаще всего она делала это в нетрезвом виде. Впрочем, нужно сказать, что в трезвом виде она была только тогда, когда просыпалась после выпивки, причем это время у неё целиком поглощалось желанием опохмелиться, – желанием, которое она скоро и приводила в исполнение.

Ввиду вышеизложенного Яшка чувствовал себя на улице гораздо лучше, чем дома, и в одиннадцать лет был уже очень тонким знатоком города и городской жизни. На улице жизнь была и краше, чем дома, и содержала в себе более равенства; обида, нанесённая Яшке на улице, немедленно же возмещалась им путём ловко брошенного камня, ругательства или даже потасовки, – в том случае, когда обидчик был равносителен с Яшкой. Дома возмездие было невозможно – Яшка не мог бы сладить с тёткой и так был уверен в этом, что даже ни разу не пытался вступать с нею в открытый бой. Иногда только он в виде маленькой мести позволял себе кое-что: так, например, когда пьяная тётка засыпала, он подливал под неё холодную воду, подсыпал ей в табакерку перца, а в башмаки сухой горчицы. Последнее средство было самым оригинальным, и Яшка на самом себе испытал, как именно оно действует. Ему товарищи подсыпали горчицы в сапоги, и, когда она растворилась от пота, – оба сапога представили собой великолепные горчичники. Яшка долго танцевал после того, как догадался снять сапоги, и в конце концов – да-

же упал, вздёрнул ноги кверху и, болтая ими в воздухе, стал отчаянно реветь. Подошвы так жгло, точно их поджаривали на плите, между пальцами вздулись пузыри, которые потом лопнули и образовали ранки, долго заставлявшие Яшку ходить босиком и ступать только на пятки. Тётка разика два испытала прелесть этой милой шутки, очень распространённой среди других развлечений в Яшкиной типографии. Но один раз горчица оказалась не особенно крепкой и не причинила тётке ничего особенного, кроме лёгкого беспокойства. Зато другим разом Яшка остался доволен – тётка ныла и стонала, хуже, чем сам он после побоев. Она всё-таки не догадалась, в чём дело, и Яшка не раз ещё надеялся в будущем полечить её горчичниками. Мне неизвестно, оправдались ли его надежды.

II

Однажды Яшка чистил печатный станок, а для развлечения ругался с своим товарищем по работе, и всё шло благополучно, как вдруг колёса станка почему-то пришли в движение...

– Тпр-ру, дьяволова мельница, – презрительно воскликнул Яшка, но в это время что-то дёрнуло его за ногу, потащило куда-то вбок и вниз и мягко, но сильно шлёпнуло о пол спиной.

Яшка дважды открыл и закрыл свои большие глаза, в которых было много боли и изумления, и впал в беспамятство.

Очнулся он в четырёхугольной комнате с жёлтыми стенами. Был вечер, горели лампы, а окна были завешены тёмной материей. Ламп было три, и, кроме них, было ещё шесть кроватей, они стояли по три друг против друга и тоже были покрыты жёлтым. На всех трёх кроватях, стоявших против той, на которой лежал сам Яшка, спали люди; на одной, рядом с ним, лежал длинный человек с чёрными усами и большущими глазами смотрел прямо в лицо Яшки...

По другую сторону от него кровать была пустая, и Яшка, чувствуя, что он боится черноусого соседа, стал смотреть на неё, соображая, куда он попал? Жёлтый цвет напомнил ему об остроге, который снаружи был весь выпачкан жёлтой краской, и ещё о гимназии. Яшка прислушался – не звякают

ли где кандалы? Но было тихо, и только далеко где-то стояли... и ужасно скверно пахло... Значит, это больница, а не острог и не гимназия... Яшке стало жутко и очень захотелось заплакать, но он сдержался, сообразив, что его длинный сосед может ему задать за слёзы выволочку. И, закрыв глаза, Яшка стал чутко прислушиваться... Прежде всего он услышал бурчание в собственном своём животе и почувствовал, что хочет есть... В то же время он как-то сразу вспомнил то, что с ним случилось до той поры, как он очутился здесь, и вместе с тем он испугался, ощутив, что у него болит голова, спина и одной ноги как будто нет совсем... Но это оказалось фальшивой тревогой: нога была с ним – когда он попробовал пошевелить ею, она дала о себе знать жестокой болью.

Яшка крепко закрыл глаза и во всю мочь закричал... а потом, не открывая глаз, стал слушать... Где-то раздались мягкие и спешные звуки шагов, и над Яшкой прозвучал женский голос... не так, чтобы очень ласковый:

– Ну, чего ты кричишь?.. а? Мальчик! Али ты в обмороке?

Очевидно, в этой больнице люди, впадавшие в обморок, не теряли дара слова и сиделка привыкла с ними разговаривать и в то время, когда они находились без сознания. Как бы поощряя эту её привычку, Яшка подумал – что бы ей сказать, и, открыв глаза, заявил, хотя и слабым голосом, но с полной уверенностью:

– Я есть хочу!

– Так чего же ты кричишь во всё горло? Ишь какой по-

стрелёнок!..

И она ушла, шлёпая туфлями по полу. Потом она снова явилась, и Яшка нашёл уместным спросить её:

– Ведь это, тётенька, больница?

На что она поучительно отвечала ему:

– А то постоянный двор?

Потом Яшка поел и уснул. Проснувшись среди ночи, он открыл глаза и осмотрелся. Всё было пропитано тишиной и запахами лекарств. И кто-то тихо-тихо стонал. Звук был такой странный и так плавно носился по жёлтой комнате, что казался единственно живым среди этой пахучей тишины и непривычной Яшке приторной чистоты. Точно это жёлтые стены дышали... Сосед Яшки по койке лежал вытянувшись, сложив руки на груди, на лицо его падал свет, губы были полуоткрыты и обнажали белые холодные зубы. Это было страшно. У Яшки ёкнуло сердце, и он, натянув себе на голову одеяло, заплакал потихоньку, чувствуя себя одиноким, забытым и погибающим.

Так и потянулись дни за днями. Яшка плохо выздоравливал и сильно худел. Худоба лица сделала Яшкины глаза ещё больше, и в них замерло тоскливо-выжидательное выражение. Лицо ему отмыли, и теперь было видно, что оно белое, миленькое личико уже много думающего ребенка.

Скучно ему было в больнице, тошно, одиноко.

Однажды, проснувшись среди дня, Яшка открыл глаза и вздрогнул. Кто-то смотрел на него и улыбался ему, так улы-

бался, что Яшка почувствовал себя совершенно здоровым и сделал движение, желая сесть на койке. Но боль в ноге заставила его сморщиться, охнуть и снова закрыть глаза.

– Что у тебя болит, мальчик? – спросили его. Никто никогда и ни о чём не спрашивал его так ласково.

Яшка взглянул – над ним наклонилось чьё-то белое, нежное, почти прозрачное лицо, и прямо в глаза ему смотрели тёмные, ласково прищуренные глаза, смотрели и улыбались и как бы гладили Яшку чем-то мягким и тёплым по всему его маленькому телу. Яшке показалось, что всего этого он давно уже ждал и что когда-то кто-то так же вот смотрел на него... но это было неизвестно когда. Яшка улыбнулся...

– Что ты молчишь?

Яшка снова улыбнулся и хитро кивнул головой, прищурив глаза.

– Милый какой!

Яшке плакать захотелось. Охватить бы эту чисто вымытую, тонкую шею и плакать долго и много.

– Ну, ответь! Давно ты здесь? Что у тебя болит? Чей ты?

У мальчика щекотало в горле, и прерывающимся голосом он спросил:

– А ты не уйдёшь... вы не уйдёте, если я говорить с вами буду?

– Голубчик! Почему ты думаешь так?

– А я буду говорить... вам не про что будет спрашивать, и тогда вы уйдёте... Опять тогда я останусь один. – Тут Яшка

заплакал слезами обиды и радости.

– Бедненький... Я не скоро уйду... вон он спит ещё...

– Кто? – быстро сквозь слёзы спросил Яшка.

– Брат. – И она кивнула головой на его соседа по койке...

– Так вы это не ко мне пришли? – разочарованно спросил

Яшка.

– Ведь я же не знала тебя... Теперь буду уж и к тебе приходить...

– А этот, длинный-то, и есть брат? Он чего тут лежит? Тоже машина его испортила? – недоверчиво и любопытно спросил Яшка.

– Он... болен, очень болен... Его не машина, а... так он... нездоров...

– А вы кто такая? Часто вы будете ходить? Каждый день? А вы где работаете? Вы, может, корректорша, или швейка, или просто барыня? Глаза вот у вас больно чудные... большие!..

Пока брат хворает здесь, вы всё и будете ходить сюда? Ишь... ну кабы он подольше похворал!

– Мальчик мой бедный, голубчик!

Он опять заплакал, этот Яшка Чистяк. Уж очень она хорошо говорит свои слова! Он плакал и сморкался в свои пальцы, а она утирала ему нос платком, от которого пахло цветами и весной. И Яшка чувствовал, что вместе со слезами из него выходит его боль, а вдыхая запах платка, он вдыхает вместе с ним бодрость и силу...

Потом она целовала его в глаза, и в губы, и в щёки, и в лоб. И всё это было не изведено Яшкой, всё открывало пред ним целый мир новых чувств.

Она ушла, – он остался как во сне и как во сне жил девять дней. Девять раз приходила она, и всё это время Яшка переживал бесконечно много неизведанных, сладко волновавших его душу ощущений. Она обыкновенно приходила и, подходя к его койке, поцелуем здоровалась с ним, а потом шла к брату и садилась в ногах его койки, так, чтобы видеть и Яшку. Яшка, хмуря брови, следил за ней, слушал её разговор с братом, а когда она взглядывала на него, Яшка манил её глазами к себе. Чувство жгучей ревности к этому длинному и мрачному человеку испытывал Яшка всякий раз, как только вспоминал о его существовании. Яшка хотел бы, чтоб он умер уж, что ли, скорее, этот длинный брат, тогда бы она ходила к одному ему, к Яшке. И всякий раз, как брат со стоном хватался за грудь, Яшка вздрагивал – умирает, что ли? Но тот всё не умирал, и Яшке горько было это. Первый раз ему выпало на долю такое хорошее, и вот нужно делить это пополам с какой-то «гнилой жердьё», как мысленно прозвал Яшка своего соседа. Она всё время почти сидела у него на койке и лишь изредка, ненадолго подходила к Яшке. Он хватал её за руку и, глядя на неё жадными и умоляющими глазами, тянул её к себе, молча, крепко... Она потихоньку освобождала из его пальцев свою руку и снова шла туда, к брату, который никогда не говорил ни слова Яшке, да и с ней гово-

рил мало. И всякий раз, когда она уходила, Яшке хотелось ругнуть её брата, в сердце у него что-то колело, и на глаза навёртывались злые слёзы. Много мук и много счастья пережил он в эти девять дней своей жизни.

И вот однажды утром, проснувшись, Яшка увидел, что «гнилую жердь» перекалывают с койки на носилки...

– Куда его тащат? – быстро спросил Яшка у сиделки.

– А тебе что? Ты ещё туда не попадешь... чай, вот скоро тебя домой потурят...

Набаловался здесь.

– Умер, что ли? – с трогательной просьбой в глазах ещё спросил Яшка.

– Ну, известно... Не живого, чай, понесут.

«Умер!» Яшка испугался несколько, видя это вялое, белое мясо, лишённое движения, какое-то изломавшееся. Ещё ночью этой Яшка слышал его стоны, кашель и движения... Но скоро испуг сменила тихая радость – «она» будет ходить только к нему одному, к Яшке. И, закрыв глаза, он начал ждать её. Он мог уже вставать с койки и ходить при помощи костыля, но лежал... Она придёт и, как всегда, поцелует его, но уже не сядет туда, к брату. Нет уж его, брата-то! Жгучая радость охватывала Яшку при этой мысли, и потом она сменялась в его душе тихим и сладким покоем. Всегда теперь она будет сидеть с ним, Яшкой, и никого у неё здесь нет, кроме него... Но она не пришла...

– Хоронит... – объяснил себе Яшка этот грустный факт. –

Похоронит и придёт...

Апельсинов, чай, принесёт и книжку... И будет говорить... до-олго!

Она не пришла и на другой день, и на третий, и ни разу больше не видал уж её Яшка в течение тех двух недель, которые прожил в больнице со времени смерти её брата...

III

Он долго, усердно искал «её» по городу после того, как вышел из больницы. Он вынес оттуда нелюбимость, молчаливую сосредоточенность и сознание необходимости найти «её». По воскресеньям и в нерабочие дни он шлялся по городу всюду, где бывает чистая публика, и искал, и не мог найти. Похожих было много, и все они кололи ему сердце острым воспоминанием о «ней», мимолётной грёзе его печальной жизни, все они ещё прочнее запечатлевали в его маленьком сердце её славный, добрый образ, её ласковые тёмные глаза, её горячие мягкие губы, тонкую фигурку её в чёрном пышном платье и маленькую головку в чёрной шляпе с белым пером. Нигде не было «её», кроме его сердца. Сосредоточенный и хмурый, с большими печальными глазами, опять чумазый и снова пропахший типографской краской, он был несколько странен для типографского мальчика. В нём не было бойкости детства, беззаботности и весёлого сердца ранней весны его жизни – всё детское в нём пожрала и сожгла эта девятидневная грёза.

Но судьбе, всегда такой остроумной в своих жестоких шутках над людьми, судьбе его угодно было, чтоб он ещё раз увидал её. Однажды, возвращаясь с товарищами с прогулки по лесу и идя почтовым трактом, он увидел её. Прошло два года, но она была такая же, как и тогда, в больнице, сидела

в почтовом возке, и тройка коней несла её в клубках пыли. Рядом с ней был ещё кто-то... военный, потому что в глазах Яшки сверкнули металлические пуговицы.

Это она была, она, он не ошибался. Он как бы прирос к земле на мгновение и вдруг с радостным криком бросился вслед за тройкой.

Он бежал, прижав локти к бокам и кричал, и в рот ему набивалась пыль, гремели колёса тарантаса на выбоинах, и в голове Яшки шумело, сердце его билось, он кричал, кричал...

Тарантас, заглушая его голос, исчезал в пыли... Деревья стремительно неслись куда-то мимо Яшки Чистяка...

И когда, обессиленный погоней, он упал в пыль дороги лицом, – то зарыдал, заплакал слезами горькой обиды, злыми слезами разочарования.

Потом он пытался найти её. Дня через три он отправился вдаль, по почтовому тракту и шёл, спрашивая на каждой станции:

– Куда ехали третьеводни барыня с офицером?

Над ним хохотали. В уездном городе, до которого он дошёл, наконец, его арестовали за бесписьменность и по этапу отправили в губернию. Тогда он снова поступил в типографию и, всегда хмурый, точно что-то потерявший, молчаливый и злой, скоро во внешнем образе жизни потерял всякое различие с товарищами. Пил водку, как они, посещал с ними весёлые дома, играл в орлянку и карты и работал, работал,

работал ради всего этого...

Теперь Яшка Чистяк – тридцатилетний угрюмый пьяница, проводящий свою жизнь гораздо более у кабацкой стойки, чем у кассы со шрифтом. Он пользуется среди хозяев и рабочих дурной славой пьяницы, вора и полусумасшедшего... С виду ему можно дать лет пятьдесят, весь он рваный и грязный, всегда битый и полупьяный... Глаза у него большие, бесцветные, опухшие...

Но когда, однажды, в кабаке он рассказывал мне эту историю, – я видел, как они блестели таким ясным, славным огнём. А кончив свой рассказ, он помолчал и добавил:

– Только всего и было в моей жизни хорошего Мало, брат, да... Спился вот. А про неё вспоминать... приятно. Люблю я это. Хоть оно, может быть, ежели бы не она... ничего бы, жил я... А и то сказать – наплевать! Ну-е к чёрту... Как ни живи – умрёшь. Значит – всё равно. А как она была – есть про что вспомнить...